

В каждом сердце – дверь

Автор:

Шеннон Макгвайр

В каждом сердце – дверь

Шеннон Макгвайр

Wayward Children #1 Мастера магического реализма (АСТ)

В дебрях глухих лесов расположена частная школа Элеанор Уэст для трудных подростков. Вот только их «трудности» далеки от привычных проблем: каждый воспитанник побывал в ином мире, который считает своим подлинным домом и мечтает туда вернуться. Главное – успеть отыскать свою «дверь» до того, как станешь слишком взрослым... или сойдешь с ума.

Шеннон Макгвайр

В каждом сердце – дверь

Seanán McGuire

Every Heart A Doorway

© 2016 by Seanán McGuire

© О. Полей, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Для необычайных

Часть I. Золотые деньки

Жила-была девочка

Сами девочки на предварительные собеседования не приходили никогда. Приходили родители, опекуны, растерянные братья и сестры, всей душой желающие помочь, но не представляющие, как. Для самих будущих учениц это было бы слишком тяжело – сидеть и слушать, как родные, самые любимые, самые близкие в мире люди (в этом мире, во всяком случае) называют их воспоминания бредом, приключения – фантазиями, а всю их жизнь – какой-то не поддающейся лечению болезнью.

К тому же, если бы девочки впервые увидели Элеанор такой – одежда в сдержанной серо-лиловой гамме, с такой же строгой прической флегматичной пожилой тетушки, какие и бывают-то разве что в детских сказках, – вряд ли после этого они прониклись бы доверием к ее школе. Настоящая Элеанор была совсем другая. Ни к чему им слушать, как она будет разговаривать с родителями, как будет убеждать их со всей серьезностью и откровенностью, что ее школа поможет бедным заблудшим овечкам излечиться от всех отклонений в психике. Возьмет сломанных детей в починку и вернет обратно целыми.

Разумеется, все это была ложь, но будущим ученицам неоткуда было это знать. Поэтому Элеанор проводила беседы с законными представителями несовершеннолетних с глазу на глаз и отыгрывала свою роль с уверенностью и мастерством прирожденной мошенницы. Если бы вдруг все эти опекуны вздумали собраться вместе и сличить записи их бесед, то увидели бы, что сценарий давно отработан и тщательно смазан, как надежное оружие – потому

что это и было ее оружие.

– Мы имеем дело с редким, но не уникальным психическим расстройством. Оно проявляется у юных девушек, когда они подходят к той черте, за которой девочка превращается в женщину, – говорила она, глядя прямо в глаза отчаявшимся, подавленным родственникам очередной юной бродяжки. В тех редких случаях, когда приходилось иметь дело с родителями мальчика, текст речи слегка менялся, но не более, чем того требовала ситуация. Элеанор оттачивала эту программу годами и умела играть на родительских страхах и надеждах. Они желали своим подопечным только добра – так же, как и она. Вот только понятия о том, что же такое «добро», у них совсем не совпадали.

Родителям она говорила:

– Это все галлюцинации – возможно, смена обстановки пойдет на пользу.

Дядюшкам и тетюшкам она говорила:

– Вашей вины тут нет, а я, вполне вероятно, сумею все исправить.

Бабушкам и дедушкам она говорила:

– Позвольте мне помочь вам. Прошу вас, позвольте мне помочь.

Не всех удавалось убедить, что закрытая школа – это лучший выход. Примерно каждая третья ученица ускользала от Элеанор, и это было грустно: теперь этим девочкам придется в жизни гораздо труднее, а ведь их можно было спасти. Зато как сердце радовалось за тех, кого поручали ее заботам. Пока они с ней – это значит, что с ними рядом есть хоть кто-то понимающий. Даже если им никогда не представится возможность вернуться домой – здесь у них всегда будет кто-то понимающий и общество сверстников, таких же, как они, а это само по себе бесценно.

День за днем Элеанор Уэст старалась дать этим детям то, чего была лишена сама, и надеялась, что когда-нибудь заслужит этим право вернуться домой.

1. Здравствуй, дом, прощай, дом

Привычка рассказывать истории, превращать обыденность в волшебство, – одна из тех, от которых трудно избавиться. После походов в компании говорящих огородных пугал или исчезающих котов истории сами собой начинают складываться в голове; это своего рода способ сохранить связь с реальностью, не выпустить из рук тоненькую нить связного сюжета, проходящую через каждую жизнь, какой бы странной она ни сделалась в какой-то момент. Расскажи обо всех невероятных событиях по порядку, сложи из них историю, и тогда не они будут над тобой властвовать, а ты над ними. Итак...

Особняк стоял, можно сказать, в чистом поле, хотя, конечно, это уже не поле, если посреди него стоит дом. Трава здесь была идеально зеленая, кроны деревьев, сгрудившихся небольшими кучками вокруг, идеально ровно подстрижены, а сад цвел всевозможными цветами и оттенками: такое разноцветье можно увидеть разве что на радуге или в ящике с детскими игрушками. Узкая черная лента подъездной дорожки бежала, извиваясь, от дальних ворот, описывала круг прямо перед домом, а у самого порога чуть расширялась, плавно переходя в маленькую стоянку. На пустую стоянку въехал единственный автомобиль – ядовито-желтый и какой-то слегка обшарпанный на фоне этого тщательно ухоженного ландшафта. Хлопнула задняя дверца, и автомобиль тут же укатил, оставив на дорожке девушку.

Девушка была высокая, тоненькая, гибкая, на вид не старше семнадцати. В глазах и в линии рта было что-то не до конца оформившееся, и это придавало девушке вид незаконченной картины, которую художнику еще предстоит дописать. Она была вся в черном (черные джинсы, черные высокие ботинки с маленькими черными пуговицами, протянувшимися ровным солдатским строем от носка до икры) и белом (свободная майка на лямках, нитки искусственного жемчуга на обоих запястьях), и только хвостик на затылке перехвачен лентой цвета гранатовых зерен. Волосы у нее были белые, как кость, и по ним разбегались черные ручейки – будто нефть, разлитая по мраморному полу, а глаза были совсем светлые, как льдинки. Она щурилась от солнца. По ее виду можно было подумать, что она давно не видела солнечного света. Маленький чемоданчик на колесиках был ярко-розовый, разрисованный ромашками. Совершенно очевидно было, что купил ей его кто-то другой, а не она сама.

Девушка приставила ладонь козырьком к глазам, взглянула на стоящий перед ней особняк и остановилась, увидев вывеску над крыльцом. «ДОМ ЭЛЕАНОР УЭСТ ДЛЯ ТРУДНЫХ ДЕТЕЙ», гласили большие буквы. Ниже, помельче, было добавлено: «ПОСТОРОННИЕ КОНТАКТЫ, ПОСЕЩЕНИЯ И СПРАВКИ ЗАПРЕЩЕНЫ».

Девушка заморгала. Опустила руку. И медленно пошла к крыльцу.

В доме, на третьем этаже, Элеанор Уэст опустила штору и сразу же направилась к двери. На вид это была хорошо сохранившаяся дама лет шестидесяти, хотя на самом деле ее возраст уже приближался к ста: путешествия в страну, где она раньше была частой гостьей, сбили внутренние часы, и время теперь гораздо медленнее сказывалось на ее организме. Бывали дни, когда она радовалась своему долголетию: оно давало ей возможность помочь стольким детям, скольких она за всю жизнь даже не увидела бы, если бы не открыла те двери, или если бы не решилась когда-то отступить от своего истинного пути. А иногда она думала о том, узнает ли когда-нибудь этот мир о ее существовании – о том, что трудная девочка Эли Уэст каким-то непостижимым образом до сих пор жива, хотя прошло уже столько лет, – и чем это для нее обернется.

Но пока еще спина у нее прямая и глаза такие же ясные, как в тот день, когда она, семилетняя, увидела ту нору между корней дерева в отцовском имении. Пусть волосы побелели, пусть кожа стала дряблой от морщин и воспоминаний – это все пустяки. В ее глазах до сих пор чувствовалась какая-то незавершенность; нет, с ней еще не все кончено. Она пока еще не эпилог, она повесть. И если она мысленно рассказывает историю своей жизни, слово за словом, спускаясь по лестнице навстречу вновь прибывшей ученице – никому от этого нет вреда. Рассказывать истории – привычка, от которой трудно избавиться.

Иногда это все, что есть у человека.

Нэнси стояла, как вкопанная, посреди вестибюля, стиснув пальцы на ручке чемодана, и оглядывалась вокруг, стараясь сориентироваться в новой обстановке. Она сама толком не знала, чего ждала от этой «спецшколы», куда ее отправили родители, но точно не рассчитывала попасть в такой... фешенебельный коттедж. Стены здесь были оклеены старомодными обоями в цветочек (розы и вьющиеся клематисы), немногочисленная мебель в нарочито

скромно обставленном коридоре вся была старинная, добротная, из хорошо отполированного дерева с латунной фурнитурой, в том же стиле, что и длинные гнутые перила. На полу был паркет вишневого дерева, а когда Нэнси подняла взгляд повыше, стараясь не задирать при этом подбородок, то увидела прямо перед собой искусной работы люстру в форме распускающегося цветка.

– Между прочим, работа нашего бывшего ученика, – произнес чей-то голос. Нэнси оторвала взгляд от люстры и взглянула на лестницу.

Женщина, спускавшаяся по ступенькам, была по-старушечьи сухопарой, но спина у нее была прямая, и за перила она держалась, кажется, не для опоры, а только чтобы не потерять направление. Волосы у нее были белые, как у самой Нэнси, только без дерзких черных прядей, завитые перманентной завивкой и уложенные в прическу, напоминавшую гриб-дождевик или одуванчик, готовый вот-вот разлететься. Вид у женщины был бы вполне респектабельный, если бы не ярко-оранжевые брюки, не свитер ручной вязки всех цветов радуги и не ожерелье из разноцветных полудрагоценных камней, совершенно не гармонирующих между собой. Как ни старалась Нэнси сдерживаться, глаза у нее сами собой распахнулись от удивления, и она тут же возненавидела себя за это. С каждым днем она понемногу утрачивала свой дар неподвижности.

Если так пойдет, она скоро станет такой же дерганой и неуравновешенной, как все живые, и тогда ей уже никогда не вернуться домой.

– Она практически вся стеклянная, не считая, разумеется, деталей из других материалов, – продолжала женщина. Ее, казалось, ничуть не смущало, что Нэнси так откровенно разглядывает ее. – Я даже точно не знаю, как делаются такие вещи. Кажется, из расплавленного песка, что-то в этом роде. А вон те большие призмы в форме слезинок – мои. Все двенадцать – моих рук дело. Я считаю, есть чем гордиться. – Женщина помолчала, очевидно, ожидая ответа.

Нэнси сглотнула. Все эти дни у нее то и дело першило в горле, и ничем эту сухость было не прогнать.

– Если вы не знаете, как делается стекло, как же вы сделали эти призмы? – спросила она.

Женщина улыбнулась.

– Из собственных слез, разумеется. Всегда выбирай самое простое объяснение – обычно оно и есть самое верное. Я – Элеанор Уэст. Добро пожаловать в мой дом. Ты ведь, наверное, Нэнси.

– Да, – медленно проговорила Нэнси. – Откуда вы?..

– Просто кроме тебя мы сегодня никого не ждали. Вас тут теперь не так много, как раньше. Либо двери стали попадаться реже, либо вы стали чаще оставаться там. А теперь постой минутку тихонько, дай мне тебя рассмотреть. – Элеанор спустилась с последних трех ступенек, остановилась перед Нэнси и с минуту пристально вглядывалась в нее, а потом обошла вокруг. – Хм. Высокая, худая, очень бледная. Ты наверняка была где-то, где нет солнца – но вампиров, пожалуй, тоже нет, судя по твоей шее. Джек и Джилл будут очень рады. Их уже утомило вечное солнце и милые люди со всех сторон.

– Вампиров? – безучастно переспросила Нэнси. – Их вообще не бывает в реальности.

– Да тут и нет никакой реальности, моя хорошая. Все нереально. И этот дом, и этот разговор, и эти твои ботинки – кстати, они уже несколько лет как вышли из моды, имей в виду, если хочешь снова вписаться в современный стиль. А если не хочешь расставаться с недавним прошлым – к траурному костюму они тоже не очень-то подходят. И ты, и я – нереальны. Реальность – бранное слово, и я буду тебе благодарна, если ты постарайся употреблять его как можно реже, пока живешь под моей крышей. – Элеанор снова остановилась перед Нэнси. – Волосы тебя выдают, вот что. Где ты была – в Подземном царстве или в Царстве теней? Ясно, что не в Загробном мире. Оттуда не возвращаются.

Нэнси уставилась на нее, беззвучно шевеля губами – голос куда-то пропал. Старуха произнесла эти слова – жестокие, невозможные слова – таким будничным тоном, словно спрашивала о каких-нибудь пустяках, вроде графика прививок.

Лицо Элеанор изменилось – на нем появилось мягкое, извиняющееся выражение.

– Ох, вижу, я тебя расстроила. Со мной это бывает, к сожалению. Видишь ли, я ведь была в мире Абсурда. Шесть раз переходила туда-сюда, пока мне не

исполнилось шестнадцать, а потом, когда уже не могла туда попасть, так и не научилась как следует держать язык за зубами. Ты, должно быть, устала с дороги, и тебе любопытно узнать, что будет дальше. Верно? Я покажу тебе твою комнату, как только разберусь с твоими координатами. Видишь ли, в таких вопросах, как выбор комнаты, это очень важно. Нельзя селить путешественницу из мира Абсурда вместе с той, что пришла из мира Логике, если не хочешь потом объясняться с местной полицией по поводу увеличения насилия в школе. Полицейские к нам иногда заглядывают, хотя обычно нам удается не привлекать их внимания. Нам важно, чтобы школа не потеряла аккредитацию, хотя, я бы сказала, у нас тут не столько школа, сколько что-то вроде реформаториума. Хорошее слово, правда? Реформаториум. Звучит так солидно, а на самом деле ровно ничего не значит.

– Я ничего не понимаю из того, что вы говорите, – сказала Нэнси. Она тут же устыдилась своего голоса: не голос, а какой-то мышинный писк. И в то же время она была рада, что смогла хоть что-то выговорить.

Лицо Элеанор стало еще мягче.

– Тебе больше не нужно притворяться, Нэнси. Я знаю, что ты пережила – знаю, откуда ты. Я сама когда-то, давным-давно, переживала нечто похожее, когда возвращалась из своих путешествий. Это не то место, где нужно лгать и притворяться, что у тебя все хорошо. Мы и так знаем, что все плохо. Иначе бы ты здесь не оказалась. Итак, где ты была?

– Я не...

– Забудь пока такие слова, как Абсурд и Логика. С этим позже разберемся. Просто отвечай. Где ты была?

– Я была в Чертогах мертвых. – От того, что эти слова прозвучали вслух, Нэнси испытала какое-то почти болезненное облегчение. Она снова замерла, уставившись в пространство, словно видела свой голос, плывущий в воздухе – сверкающий, темно-гранатовый, безупречно прекрасный. Потом сглотнула, так и не сумев прогнать сухость в горле, и сказала:

– Это было... Я искала ведро в подвале, у нас дома, и наткнулась на эту дверь, которой раньше никогда не видела. Я открыла ее и оказалась в роще гранатовых

деревьев. Я подумала, что, наверное, упала и ударилась головой. И пошла дальше, потому что... потому что...

Потому что в воздухе пахло сладко-сладко, а небо было из черного бархата, усыпанного светящимися бриллиантовыми точками – они совсем не мерцали, горели ровным холодным огнем. Потому что трава была мокрая от росы, а ветви деревьев тяжелые от плодов. Потому что ей хотелось узнать, что там, в конце длинной тропинки, вьющейся между деревьев, и потому что не хотелось возвращаться, так и не поняв, что же произошло. Потому что впервые в жизни у нее было чувство, что эта дорога ведет домой, и уже одно это заставляло ее шагать, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, и наконец она побежала, рассекая чистый ночной воздух, и все остальное было уже неважно и никогда уже не будет важным...

– И долго ты там пробыла?

Вопрос был бессмысленный. Нэнси покачала головой.

– Вечность. Несколько лет... Я пробыла там несколько лет. Я не хотела сюда возвращаться. Никогда.

– Знаю, моя хорошая. – Элеанор мягко взяла Нэнси за локоть и повела к двери за лестницей. Ее духи пахли одуванчиками и имбирным печеньем – такое же абсурдное сочетание, как все в этой пожилой женщине. – Идем со мной. У меня есть превосходная комната, в самый раз для тебя.

«Превосходная комната» Элеанор оказалась на первом этаже, в тени огромного старого вяза, почти не пропускавшего солнечный свет в единственное окно. В комнате стояли вечные сумерки, и Нэнси, шагнув внутрь и оглядевшись, почувствовала, как гора свалилась с плеч. Половина комнаты – та, что с окном – была завалена одеждой, книгами и всякими безделушками. На кровати валялась небрежно брошенная скрипка, а смычок был кое-как приткнут на книжной полке, с краю, готовый упасть при малейшем движении. Пахло мятой и землей.

Другая половина комнаты была безликой, как гостиничный номер. Кровать, маленький комодик, книжная полка и письменный стол – все из светлого, нелакированного дерева. Стены голые. Нэнси посмотрела на Элеанор,

дождалась ободрительного кивка и только тогда подошла ближе и положила чемоданчик точно на середину своей новой кровати.

– Спасибо, – сказала она. – Я уверена, это то, что надо.

– А я, признаюсь, не столь уверена, – сказала Элеанор и нахмурилась, глядя на чемоданчик Нэнси. Очень уж он аккуратно лежал... – Место, которое называется «Чертоги мертвых», должно находиться в Подземном царстве, а оно почти целиком относится к Абсурду, а не к Логике. Но твоя страна, похоже, отличалась более строгой организацией. Ну ничего. Если вы с Суми не уживетесь, никогда не поздно тебя переселить. Кто знает? Может быть, именно ты сможешь дать ей какую-то опору – ей как раз сейчас этого не хватает. А если ничего не выйдет – ну, надеюсь, вы хоть не поубиваете друг друга.

– Суми?

– Это твоя соседка. – Элеанор, лавируя среди разбросанных по полу вещей, подошла к окну. Распахнула, высунулась наружу, оглядела ветви вяза и наконец нашла то, что искала. – Раз, два, три – Суми, я тебя вижу. Заходи, познакомься с соседкой.

– С соседкой? – Голос был женский, молодой и недовольный.

– Я тебя предупреждала, – сказала Элеанор и снова отошла на середину комнаты. Двигалась она с замечательной уверенностью, особенно если учесть беспорядок на полу. Нэнси все ждала, что она запнется и упадет, но ничего подобного не случилось. – Я говорила, что на этой неделе приезжает новенькая, и что, если это окажется девушка с подходящей биографией, она займет свободную кровать. Ты что же, все забыла?

– Я думала, вы просто так говорите, лишь бы что-то говорить. С вами такое бывает. Со всеми бывает. – В окне появилась голова – вверх ногами, так как ее обладательница, очевидно, висела на дереве. На вид девушка была примерно ровесницей Нэнси, японка, с длинными черными волосами, заплетенными в две ребячливые косички над ушами. Она поглядела на Нэнси с нескрываемым подозрением и спросила:

– Ты служанка Королевы Пирожных и пришла наказать меня за неповиновение Графине Сахарной Ваты? Мне что-то не хочется сейчас идти на войну.

– Нет, – растерянно ответила Нэнси. – Я Нэнси.

– Какое скучное имя. Как ты вообще здесь оказалась, с таким-то именем? – Суми перевернулась в воздухе и прыгнула с дерева. На миг пропала из вида и тут же появилась снова: уселась на подоконник и спросила: – Элеанор-Эли, вы уверены? Точно-точно уверены? Судя по ее виду, ей здесь вообще нечего делать. Может быть, вы опять вычитали в ее документах то, чего там не было, а на самом деле ей место в школе для малолетних жертв плохого парикмахера – кто ей только волосы красил.

– Я не крашу волосы! – В голосе Нэнси звучало горячее возмущение. Суми умолкла и заморгала. Элеанор тоже повернулась к ней. У Нэнси вспыхнули щеки – кровь бросилась ей в лицо, но она не дрогнула и даже как-то удержалась, чтобы не провести рукой по волосам. – Они раньше были все черные, как у мамы. Когда я в первый раз танцевала с Повелителем мертвых, он сказал, что они красивые, и провел по ним пальцами. И тогда те волосы, которых его пальцы не коснулись, побелели от зависти. Вот почему у меня осталось только пять черных прядей. Это те места, где он дотронулся.

Вглядевшись пристальнее, Элеанор увидела, что эти пять прядей повторяют очертания руки – той руки, что прикоснулась к этой бледной девушке один-единственный раз.

– Ясно, – сказала она.

– Я их не крашу, – сказала Нэнси, все еще не остыв. – Я никогда не буду их красить. Это было бы неуважительно.

Суми все еще моргала, и глаза у нее были большие и круглые. Потом она усмехнулась.

– А ты мне нравишься, – сказала она. – Самый чокнутый джокер в колоде, да?

– У нас не принято употреблять такие слова, – резко оборвала ее Элеанор.

– Но это же правда, – возразила Суми. – Она думает, что вернется туда. Правда же, Нэнси? Думаешь, откроешь ту самую дверь – ту, да не ту, а за ней лесенка в рай – раз ступенька, два ступенька, черта с два ступенька – и ты опять в своей сказке. Чокнутая ты. Дурочка. Никуда ты не вернешься. Если уж тебя оттуда вышвырнули, значит, не вернешься.

Сердце у Нэнси словно выскочило из груди и застряло в горле, она начала задыхаться. Глотнула, чтобы втолкнуть сердце обратно, и прошептала:

– Неправда.

У Суми блеснули глаза.

– Да ну?

Элеанор хлопнула в ладоши, чтобы привлечь их внимание.

– Нэнси, почему бы тебе не распаковать свои вещи и не начать обустриваться? Обед в половине седьмого, после обеда, в восемь, групповая терапия. А ты, Суми, сделай одолжение, не вынуждай ее убить тебя в первый же день.

– Каждый ищет свой путь домой, – сказала Суми и исчезла за окном – вернулась к тому, чем была занята, пока Элеанор ее не оторвала. Директриса бросила на Нэнси быстрый извиняющийся взгляд и тоже вышла, закрыв за собой дверь. Как-то вдруг, без предупреждения, Нэнси осталась одна.

Она постояла на месте, считая до десяти и наслаждаясь неподвижностью. Там, в Чертогах мертвых, ей иногда приходилось стоять в одном и том же положении несколько дней подряд, ничем не выделяясь среди других живых изваяний. Девушки-служанки, менее искушенные в неподвижности, проходили мимо с губками, смоченными гранатовым соком с сахаром, и прижимали их к губам неподвижно стоящих. Нэнси научилась даже не глотать, чтобы сок сам стекал по горлу, поглощать его пассивно, как камень поглощает лунный свет. Месяцы, даже годы ушли на то, чтобы научиться стоять совершенно неподвижно, но она научилась, о да, научилась, и даже сама Леди Теней назвала ее недостижимо прекрасной – ее, маленькую смертную, не признававшую спешки, горячности и суеты.

Но этот мир создан для вечно спешащих, горячих и суетливых, он так не похож на тихие Чертоги мертвых. Со вздохом Нэнси вышла из неподвижности, открыла чемодан. И замерла снова, на этот раз в испуге и смятении. Ее одежды – ее воздушных платьев и прозрачных черных рубашек, отобранных с такой тщательностью – в чемодане не было. Вместо них – пестрый ворох материи всех цветов радуги, такой же яркий, как вещи Суми, разбросанные по другой половине комнаты. Сверху, на этом ворохе, лежал конверт. Дрожащими руками Нэнси открыла его.

«Нэнси, милая, нам очень жаль, что пришлось сыграть с тобой такую злую шутку, но ты не оставила нам выбора. Ты уезжаешь в школу, чтобы выздороветь, а не вязнуть бесконечно в том, что с тобой сделали похитители. Мы хотим, чтобы к нам вернулась наша настоящая дочь. Это была твоя любимая одежда до того, как ты пропала. Ты была нашей маленькой радугой! Помнишь?

Ты почти все забыла.

Мы любим тебя. Мы с папой любим тебя больше всего на свете и верим, что ты вернешься к нам. Пожалуйста, прости нас за то, что мы выбрали тебе более подходящий гардероб, и знай – это потому, что мы хотим тебе только добра. Мы хотим, чтобы ты вернулась.

Всего наилучшего тебе в школе, а мы будем ждать, когда ты будешь готова вернуться домой насовсем».

Письмо было подписано маминым неровным почерком с завитушками. Нэнси еле видела буквы. Глаза наполнились горячими злыми слезами, руки дрожали, пальцы комкали листок, пока не смяли так, что на нем уже ничего нельзя было прочесть. Она опустилась на пол, подтянула колени к груди и сидела так, не сводя глаз с раскрытого чемодана. Как она будет это носить? Это все солнечные цвета, они для тех, кто живет при солнечном свете, для горячих, торопливых, для тех, кому не место в Чертогах мертвых.

– Что это ты делаешь?

Это был голос Суми. Нэнси не оглянулась. Ее тело и так уже предало ее – начало двигаться против ее воли. Все, что ей теперь оставалось – не двигаться хотя бы намеренно.

– Похоже, что ты сидишь на полу и плачешь, а все знают, что это опасно, опасно, ужа-а-асно опасно. Кто не держит себя в руках, тот, того и гляди, рассыплется в прах, – сказала Суми. Наклонилась к Нэнси – так близко, что Нэнси почувствовала, как косичка скользнула по ее плечу. – Ну что ты плачешь, привиденьице? Кто-то наступил ногой на твою могилку?

– Я не умирала, я просто поступила в услужение к Повелителю мертвых, вот и все, и я хотела остаться там навсегда, но он велел мне вернуться сюда на время, чтобы твердо убедиться, что готова. А я была убеждена еще до того, как ушла, а двери все нет и нет, не знаю, почему. – Слезы бежали по щекам – слишком горячие. Казалось, они обжигают кожу. Нэнси разрешила себе пошевелиться – подняла руку и яростно вытерла щеки. – Я плачу от злости, и еще мне грустно, и я хочу домой.

– Дурочка, – сказала Суми. Она сочувственно положила ладонь на голову Нэнси, тут же хлопнула ее по затылку – легонько, но все-таки, – потом запрыгнула на ее кровать, уселась на корточки и склонилась над чемоданом. – Домой – это же не к родителям, да? Домой, в школу, в класс, к мальчишкам, к сплетням – нет-нет, это уже не для тебя, это для других, не таких особенных. Домой – это значит туда, где живет тот, кто тебе волосы выбелил. Или не живет – ты же у нас привиденьице. Глупое маленькое привиденьице. Ты не вернешься туда. Могла бы уже и сама догадаться.

Нэнси подняла голову и нахмурилась, глядя на Суми.

– Почему? Пока я не вошла в ту дверь, я знала, что никаких порталов в другие миры не бывает. А теперь знаю, что если открыть нужную дверь в нужный момент, то можно наконец попасть туда, где твое настоящее место. Что значит – не вернусь? Может быть, я еще просто не убедилась окончательно.

Повелитель мертвых не стал бы ей лгать, ни за что не стал бы. Он ее любил.

Да, любил.

– Потому что надежда – это нож, который подрезает основы мира, – сказала Суми. Голос у нее вдруг стал ясный, звонкий – прежние капризные нотки исчезли без следа. Она смотрела на Нэнси спокойным, твердым взглядом. – Надежда

ранит. Вот что ты должна усвоить, и поскорее, иначе она так и будет кромсать тебя изнутри. Надежда – зло. Надежда заставляет цепляться за то, чего уже нет и не будет, и ты потихоньку истекаешь кровью, пока она вся не вытечет. Эли-Элеанор всегда твердит – то не говори, это не говори, а главное зло как раз не запрещает. Надежда – главное зло.

– Я просто хочу домой, – прошептала Нэнси.

– Глупенькое привидение. Все мы только этого и хотим. Потому-то мы и здесь, – сказала Суми. Она повернулась к чемодану Нэнси и стала перебирать вещи. – Симпатично. А на меня не налезет. И что ты такая худющая? Не могу же я таскать у тебя вещи, которые мне не по размеру, это глупо, а уменьшаться я тут не умею. В этом мире никто не умеет. С этой Крайней Логикой со скуки умрешь.

– Я их ненавижу, – сказала Нэнси. – Забирай все. Разрежь на кусочки, наделай ленточек для своего дерева, что хочешь, только забери, чтобы я их не видела.

– Цвета не те, да? Чья-то чужая радуга. – Суми вскочила с кровати, захлопнула чемодан и потащила к двери. – Ну-ка, вставай. В гости пойдем.

– Что? – Нэнси смотрела в спину Суми. Она ничего не понимала и чувствовала себя совсем разбитой. – Извини. Я тебя почти не знаю и совсем не хочу с тобой куда-то идти.

– Хорошо, что меня это не волнует, а то бы ничего не вышло, да? – Суми заулыбалась – так и сияла вся, точь-в-точь как это ненавистное, ненавистное солнце, а потом исчезла – выскочила за дверь вместе с чемоданом и со всеми вещами Нэнси.

Нэнси эти вещи были все равно не нужны, и в какой-то момент она готова была поддаться искушению и остаться в комнате. Потом вздохнула, поднялась и пошла следом за Суми. У нее и так почти ничего своего не осталось в этом мире. Да и чистые трусы так или иначе понадобятся.

2. Мальчики-красавчики и гламурные девицы

Суми была не просто беспокойная, как все живые – даже по меркам живых она двигалась слишком быстро. Пока Нэнси вышла из комнаты, она уже пролетела половину коридора. Услышав шаги Нэнси, остановилась, оглянулась через плечо и нахмурилась.

– Шевелись, шевелись, шевелись, – поторопила она. – Не успеем дело сделать, обед нас нагонит раньше – плакали тогда наши сконы с вареньем.

– Обед что, наперегонки с тобой бегают? А если не догонит, ты обедаешь сконами с вареньем? – переспросила Нэнси, совершенно сбитая с толку.

– Не всегда, – ответила Суми. – И не часто. Честно говоря, пока еще ни разу. Но это может когда-нибудь случиться, если долго ждать, и я не хочу это пропустить! Обеды тут в основном унылые – мясо, картошка и все такое, для здорового духа в здоровом теле. Скучища. Могу поспорить, твои обеды с мертвецами были куда веселее.

– Иногда, – согласилась Нэнси. Да, бывало, там устраивали банкеты и пировали по несколько недель подряд – столы ломились от фруктов, вина и темных, липких от сладости десертов. На одном из таких пиров она попробовала мясо единорога, и потом, когда легла спать, во рту все еще ощущался тонкий ядовитый привкус сладковатого мяса этого существа, так похожего на обыкновенную лошадь. Но обычно она ограничивалась гранатовым соком из серебряных кубков: ощущение пустоты в желудке помогало сохранять неподвижность. В Подземном царстве она быстро забыла, что такое голод. Там он был не нужен, и это была совсем невысокая цена за тишину, покой и танцы – за все, что она любила так беззаветно.

– Ну вот. Значит, ты понимаешь, как много значит хороший обед. – Суми снова зашагала – маленькими шажками, чтобы не обгонять медленно идущую Нэнси. – Кейд тебе махом все исправит, все будет чики-пики – пирог из голубики, – сама увидишь. Кейд знает, где искать то, что надо.

– Кто это – Кейд? Не так быстро, пожалуйста. – Нэнси казалось, что она бежит со всех ног, стараясь поспеть за Суми. Ее движения были безостановочными и такими стремительными, что глаза Нэнси, уже приспособившиеся к Подземному царству, не могли за ними уследить. Это было все равно что бежать за огромной колибри, летящей в неизвестном направлении, и ее это уже страшно утомило.

– Кейд здесь давным-давно. Родители от него отказались. – Суми обернулась, подмигнула Нэнси через плечо, и по лицу у нее словно разбежались какие-то лучики. Никакими другими словами нельзя было описать это странное выражение – нос сморщился, кожа вокруг глаз натянулась, а улыбки не было видно. – Мои родители тоже от меня отказались, по крайней мере, до тех пор, пока я не стану снова послушной девочкой и не выброшу из головы весь этот Абсурд. Отправили меня сюда, а потом умерли, и теперь уже никогда не захотят вернуть меня назад. Я останусь здесь жить навсегда, и когда-нибудь Эли-Элеанор отдаст мне чердак в полное распоряжение. Буду лепить ириски на стропила и загадывать загадки новеньким.

Они подошли к лестнице. Суми запрыгала вверх по ступенькам. Нэнси более степенной походкой направилась следом.

– А всякие мошки-блошки-таракашки не наползут там в твои ириски? – спросила она.

Суми ответила на это взрывом хохота – вот теперь Нэнси увидела ее настоящую улыбку.

– Мошки-блошки-таракашки! Ты уже начала говорить аллитерациями! Кто знает, привиденьице, может, мы с тобой и подружимся, и все будет не так уж паршиво. Ну, идем. У нас дел по горло, а время тут ни в какую не хочет двигаться в обратную сторону – назло, не иначе.

За лестницей была площадка, а за ней снова лестница. Суми тут же зашагала наверх, и Нэнси ничего не оставалось, как последовать за ней. За те дни, что она провела в неподвижности, мускулы у нее окрепли и могли часами удерживать вес ее тела. Некоторые думают, что силу дает только движение. Это заблуждение. Скала не слабее приливной волны, просто сила у нее... другая. Нэнси сейчас чувствовала себя такой скалой. Она поднималась вслед за Суми все выше и выше, пока сердце не заколотилось в груди, как молот, а воздух совсем не перестал проходить в горло – она даже стала бояться, как бы не задохнуться.

Суми остановилась перед гладкой белой дверью, на которой висела только одна маленькая, почти вежливая табличка: «ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Пояснила с усмешкой:

– Если бы он на самом деле хотел, чтобы никто не входил, то не стал бы ничего писать. Он же понимает, что для любого, кто хоть день пробыл в мире Абсурда, это как раз приглашение войти.

– Почему здесь все произносят это слово как географическое название? – спросила Нэнси. Она начинала чувствовать, что ей бы не помешала какая-нибудь вводная лекция об этой школе, где можно было бы получить ответы на все свои вопросы, чтобы чувствовать себя хоть немного увереннее.

– Потому что это и есть название. То есть и да, и нет. То есть без разницы, – ответила Суми, а потом постучала и крикнула: – Мы идем! – и толкнула дверь. За ней оказалось что-то среднее между книжным магазином и портновским ателье. Всюду, где только можно, громоздились стопки книг. Вся мебель, сколько ее тут было – кровать, письменный стол, обеденный стол, – по всей видимости, тоже была составлена из этих стопок, не считая книжных полок вдоль стен. Они-то все-таки были деревянные – вероятно, из соображений прочности. Сверху на книгах штабелями были навалены рулоны ткани – от ситца и муслина до бархата и благородного, тончайшего, переливчатого шелка. Посреди всего этого, на пьедестале из книжек в бумажных обложках, сидел по-турецки такой красивый юноша, каких Нэнси никогда в жизни не видела.

Кожа у него была золотисто-смуглая, волосы черные, а когда он поднял (с видимым недовольством) глаза от книги, которую держал в руках, Нэнси увидела, что глаза у него карие, а черты лица идеально правильные. Было в нем что-то вневременное, будто он вышел в материальный мир из какой-нибудь картины. И тут он заговорил:

– Какого хрена ты тут опять забыла, Суми? – в его речи слышался оклахомский акцент, густой, будто слой арахисового масла на тосте. – Я же тебе еще в тот раз сказал – нечего тебе здесь делать.

– Ты просто злишься, что я лучше придумала систему расстановки для твоих книг, – невозмутимо сказала Суми. – Да и все равно ты это не всерьез говорил. Я твой свет в окошке, пропаду – сам же скучать будешь.

– Ты их расставила по цвету, и я потом неделями не мог доискаться, где что. Я занят важным исследованием. – Кейд распрямил ноги и соскользнул со стопки книг. Одна книжка при этом свалилась, но упасть на пол не успела – он ловко

подхватил ее. Потом повернулся к Нэнси: – Ты новенькая. Надеюсь, она тебя еще ни во что не втянула.

– Пока что только в чердачную дверь, – глупо сказала Нэнси. Щеки у нее вспыхнули, и она добавила: – В смысле, нет. Обычно меня не так легко во что-то втянуть.

– Она из тех, кто живет по принципу – замри, не шевелись, и, может быть, тебя не съедят, – сказала Суми и сунула Кейду в руки чемодан. – Вот, погляди, что ее родители устроили.

При виде ядовито-розового пластика Кейд приподнял брови.

– Ярko, – сказал он, чуть подумав. – Можно перекрасить.

– Сам чемодан – пожалуй. Но трусы-то не выкрасишь. То есть, вообще-то можно, но они потом будут колом стоять, как будто в них нагадили – поди докажи, что это не так. – На секунду лицо у Суми просветлело. Когда она снова заговорила, слова звучали так четко, что слышать это от нее было неожиданно и почти жутковато. – Родители подменили ей всю одежду, когда отправляли в школу. Знали, что ей это не понравится, и все равно сделали по-своему. Там записка была.

– А-а, – протянул Кейд – до него вдруг дошло. – Еще одна. Ну ладно. Значит, простой обмен?

– Извини, но я не понимаю, что происходит, – сказала Нэнси. – Суми схватила мой чемодан и убежала. Я не хочу никого затруднять...

– Ты не затрудняешь, – ответил Кейд. Забрал у Суми чемодан и повернулся к Нэнси. – Родители иногда не хотят признавать, что все изменилось. Им хочется, чтобы мир оставался в точности таким, как раньше, – до того, как их дети ушли навстречу приключениям и своей новой судьбе. А когда мир им не подчиняется, стараются силой втиснуть его в те же клетки, в которых держали нас. Кстати, я Кейд. Страна фей.

– Я Нэнси, а дальше – извини, не поняла.

– Я был в Стране фей. Три года там прожил, гонялся за радугами и рос не по дням, а по часам. Я убил короля гоблинов его собственным мечом, и он, испуская дух, провозгласил меня своим преемником – принцем гоблинов, наследником трона. – Кейд скрылся в лабиринте книг вместе с чемоданом. Его голос доносился из книжных завалов, и только по голосу можно было понять, где он сейчас. – Король был моим врагом, но он первым из всех взрослых разглядел, кто я такой. Весь двор Принцессы Радуги был возмущен до глубины души, и у первого же колодца желаний меня вышвырнули обратно. Я очнулся в поле, посреди Небраски, снова десятилетним, в платье, которое было на мне в тот день, когда я провалился в Призму. – Это слово он произнес так, что было совершенно ясно – это Призма с большой буквы, название какого-то странного прохода или портала. Голос его болезненно дрогнул, словно каждый звук этого слова вонзался в него, как нож в живую плоть.

– И все-таки я не понимаю, – сказала Нэнси.

Суми театрально вздохнула.

– Он говорит, что провалился в Страну фей, это почти как Зазеркалье, только это территория Крайней Логики, которая зачем-то выдает себя за Крайний Абсурд, а на самом деле ничего подобного, у них там правило на правиле и правилом погоняет. Попробуй только нарушь – вжик! – она чиркнула рукой по горлу, – вылетишь вон, как прошлогодний мусор. Они-то думали, что утащили к себе девочку – феи обожают сманивать девочек, жить без этого не могут, дурная привычка, – а оказалось, девочка-то только снаружи, а на самом деле мальчик. Опа! Тут и сказочке конец. Вышвырнули его туда, откуда взяли.

– А-а, – протянула Нэнси.

– Ну да, – отозвался Кейд, выныривая из книжного лабиринта. Чемодана Нэнси с ним уже не было. Вместо него была ивовая корзина, а в ней – одежда милых сердцу Нэнси оттенков черного, белого и серого. – Пару лет назад тут жила одна девушка, она чуть не десять лет провела в мире фильмов ужасов «Хаммер». Все черно-белое, развевающееся, в кружевах, все исключительно викторианское. Похоже на твой стиль. Думаю, размер я правильно определил, а если нет – не стесняйся, заходи. Если нужно что-нибудь побольше или поменьше, скажешь. Корсеты, я так думаю, тебе ни к чему. Или ошибаюсь?

– Что? Э-э-э... – Нэнси оторвала взгляд от корзины. – Нет. В общем, не ошибаешься. Косточки через день-два начинают раздражать. Там, где я была, стиль ближе к... хм, к греческому, пожалуй. Или в духе прерафаэлитов[1 - Прерафаэлиты (Братство прерафаэлитов) – направление в английской живописи и поэзии, возникшее в 1850-е годы XIX века. Источником вдохновения для членов Братства служило искусство раннего Возрождения (период до Рафаэля Санти), которое они противопоставляли академичности и холодности викторианства. Яркий представитель – Данте Габриэль Росетти (1828–1882). – (Здесь и далее – прим. ред. – если не указано иное.)]. – Разумеется, она лгала: она совершенно точно знала, какие стили были приняты в Подземном царстве, в этих восхитительных безмолвных чертогах. Когда-то она долго искала хоть какой-то намек на то, что кто-то еще знает, где искать эту дверь, перерыла весь Гугл, открывала ссылку за ссылкой в Википедии, пока не наткнулась на работы художника Уотерхауса и не расплакалась от неимоверного облегчения: наконец-то она увидела на людях одежду, которая не режет глаз.

Кейд кивнул с понимающим видом.

– Я занимаюсь обменом одежды и инвентаризацией гардероба, но могу сделать кое-что еще по индивидуальному заказу, – сказал он. – Это платно, потому что работы много. Но я беру не обязательно деньгами, можно информацией. Например, ты мне расскажешь про свою дверь и про ту страну, куда попала, а я могу сшить тебе пару вещиц – может быть, они тебе лучше подойдут.

Нэнси покраснела.

– Я с удовольствием, – сказала она.

– Супер. А теперь выметайтесь отсюда обе. Скоро обед, а я хочу еще книгу дочитать. – Улыбка едва уловимо мелькнула на его лице. – Всегда терпеть не мог оставлять историю незаконченной.

Спускаясь по лестнице, Суми поглядывала на Нэнси. Девушка крепко сжимала в руке корзинку с черно-белыми нарядами, а щеки у нее все еще были слегка розоватые. Этот цвет выглядел на ней почти непристойно, как что-то ужасно неуместное.

– Хочешь с ним перепихнуться?

Нэнси чуть с лестницы не упала.

Ухватившись для поддержки за перила, вся красная, она повернулась к Суми и пробормотала:

– Нет!

– Точно? Потому что вид-то у тебя был такой, как будто хочешь, а потом ты как-то сникла, как будто поняла, что ничего не выйдет. Джилл – вы с ней за обедом познакомитесь – тоже хотела с ним перепихнуться, пока не узнала, что он раньше был девочкой, и тогда стала говорить про него «она», пока мисс Эли не сказала, что здесь принято уважать чужую гендерную идентичность, и еще нам всем пришлось выслушать бредовую историю про девочку, которая раньше жила на чердаке, – она на самом деле была радугой, а потом умудрилась оскорбить Короля Неба, и ее оттуда вытурили. – Суми на секунду умолкла, перевела дух и продолжила: – Это было жутковато. Мы-то знаем только тех, кого отсюда занесло туда, а оказывается, бывают еще люди, которых заносит оттуда сюда. Может быть, стены вообще не такие уж непроницаемые, как мы думаем.

– Да, – сказала Нэнси, уже владевшая собой. Она двинулась дальше. – Я совершенно точно не хочу... вступать с ним в сексуальные отношения, и его гендерная самоидентификация – вообще не мое дело. – Кажется, она правильно подобрала выражения. Когда-то эти слова были ей знакомы, пока она не ушла от этого мира и его сложностей. – Это касается только его и тех, с кем он захочет или не захочет быть вместе.

– Если ты не хочешь трахаться с Кейдом, пожалуй, стоит на всякий случай тебя предупредить, что я уже занята, – жизнерадостно объявила Суми. – Он фермер, выращивает сахарный хлопок для сахарной ваты на окраине Королевства. Он – мой возлюбленный, и мы когда-нибудь поженимся. Или поженились бы, если бы я не попала в изгнание. Теперь работать ему в поле одному, а я вырасту и буду думать, что он мне просто приснился, и, может быть, когда-нибудь дочь моей дочери придет на его могилу с лакричными цветочками и помолится за упокой его души.

Голос у нее ни разу не дрогнул, даже когда она говорила о смерти того, кого называла своим возлюбленным. Нэнси искоса взглянула на нее, пытаясь догадаться, серьезно она говорит или нет. С Суми ведь не поймешь.

Они подошли к двери в их общую комнату, и тут Нэнси наконец решилась.

– Дело не в том, свободна ты или нет, – сказала она, открывая дверь и направляясь к своей кровати. Поставила на пол корзину с одеждой – надо будет потом рассмотреть все как следует: размеры, ткани, но в любом случае это лучше того, что осталось у Кейда. – Я этим вообще не занимаюсь, ни с кем.

– Ты что, дала обет целомудрия?

– Нет. Обет – это выбор. А я асексуальна. Я вообще ничего такого не чувствую. – Она подумала бы, что это отсутствие сексуального желания и привело ее в Подземное царство – ведь кто только не называл ее «снулой рыбой» и «ходячим трупом», пока она ходила в обычную школу вместе с обычными подростками, – но среди тех, с кем она повстречалась в этих великолепных чертогах, полных призраков, тоже не нашлось людей ее ориентации. Они хотели секса так же горячо, как и живые. Повелитель Мертвых и Леди Теней излучали такую страсть, что весь дворец озаряло и согревало ее светом. Нэнси чуть улыбнулась своим воспоминаниям, но тут заметила, что Суми все еще смотрит на нее. Она покачала головой. – Просто... ну, не чувствую, и все. Я могу оценить чью-то красоту, могу почувствовать романтическое влечение, но на этом все и заканчивается.

Суми хмыкнула и отошла на свою половину комнаты. Потом сказала:

– Ну ладно. А тебя будет напрягать, если я буду мастурбировать?

– Что, прямо сейчас? – Нэнси не сумела скрыть ужас в голосе. Не от мысли о мастурбации – она просто представила, что эта почти еще незнакомая девушка прямо сейчас снимет штаны и примется за дело.

– Ну, фу! – Суми сморщила нос. – Нет, я вообще говорю. Ну, например, ночью, когда фонари еле светят и лунные дьяволы расправляют крылья во все небо, а девичьим пальчикам не терпится вспахать свою делянку.

– Замолчи, прошу тебя, – слабо запротестовала Нэнси. – Нет, я не буду против, если ты будешь мастурбировать. Ночью. В темноте. И не будешь мне об этом рассказывать. Я ничего не имею против мастурбации. Просто смотреть не хочу.

– Вот и предыдущая моя соседка тоже не хотела, – сказала Суми, и, кажется, на этом тема была закрыта, по крайней мере, для нее. Она вылезла в окошко, оставив Нэнси наедине с ее мыслями, пустой комнатой и новым гардеробом.

Почти минуту Нэнси смотрела в окно, за которым уже никого не было, а потом опустилась на кровать и закрыла лицо руками. Она-то ожидала, что в школе будет много таких, как она, таких же тихих и серьезных, так же мечтающих вернуться в свои покинутые страны. А тут... Эта Суми и все эти люди, сыплющие направо и налево техническими терминами, которые неизвестно что обозначают.

Ей казалось, что она плывет домой по морю без карты. Ее отправили обратно в тот мир, где она родилась, чтобы она вернулась, когда будет полностью уверена... но такой неуверенности, как сейчас, она еще никогда не чувствовала.

Обедали внизу, в танцевальном зале – отдельном просторном помещении, казавшемся еще больше благодаря отполированному мраморному полу и сводчатому потолку – как в каком-нибудь соборе. Нэнси остановилась в дверях, ошеломленная размерами комнаты и видом новых соучеников – за столиками они казались игрушечными. Мест тут было человек на сто, если не больше, а учеников всего сорок. Такие маленькие, а пространство вокруг – такое огромное.

– Никогда не стой между мной и едой, – сказала Суми, проталкиваясь мимо нее. Нэнси потеряла равновесие и запнулась о порог у входа в зал. Наступила резкая тишина: все повернулись к ней. Нэнси застыла. Это была единственная тактика защиты, которой она обучилась в царстве мертвых. Если стоять неподвижно, призраки тебя не заметят и не отнимут твою жизнь.

Чья-то рука опустилась ей на плечо.

– А, Нэнси, вот и хорошо, – проговорила Элеанор. – Я надеялась перехватить тебя по дороге к столу. Будь умницей, проводи старушку и помоги сесть.

Нэнси повернула голову. Элеанор переоделась к обеду, сменив ярко-оранжевые брюки и радужный свитер на роскошное платье прямого покроя из «вареного» муслина. Оно было кричаще ярким. Нэнси было больно на него смотреть, почти как на солнце.

Однако она все-таки взяла пожилую женщину под руку, не сумев придумать, что еще тут можно сделать, не нарушив приличий.

– Ну как вы с Суми, поладили? – спросила Элеанор по пути к столикам.

– Очень уж она... резкая, – ответила Нэнси.

– Она провела почти десять лет субъективного времени в мире Крайнего Абсурда. Ты привыкла стоять неподвижно, а она привыкла никогда не оставаться без движения, – сказала Элеанор. – Там, где она жила, остановиться – значит погибнуть. Очень похоже на ту страну, где была я, так что я ее понимаю лучше других. Она хорошая девочка. Дурного ты от нее не наберешься.

– Она водила меня к мальчику по имени Кейд, – сказала Нэнси.

– Да? Это немного не в ее духе – вот так с ходу устраивать знакомства... разве что... Что-то не так с твоей одеждой? В чемодане оказались не те вещи, что ты уложила?

Нэнси промолчала. Покрасневшие щеки и опущенный взгляд говорили сами за себя. Элеанор вздохнула.

– Я напишу твоим родителям и напомним, что они сами доверили мне решать вопросы, связанные с твоим лечением. Все, что они выложили из твоего чемодана, мы получим по почте до конца месяца. А пока, если тебе что-то понадобится, можешь опять обращаться к Кейду. Чудный мальчик, настоящие чудеса творит своей иглой. Не знаю даже, что бы мы без него делали.

– Суми сказала, что он был в мире какой-то Крайней Логике? Я все еще не понимаю, что это значит. Вы все то и дело произносите эти слова с таким видом, как будто они всем известны, но я их никогда не слышала.

– Понимаю, голубушка. Сегодня вечером у тебя терапия, а завтра – ориентирование с Ланди, вот она тебе все и объяснит. – Подойдя к столику, Элеанор выпрямилась и высвободила руку. Дважды хлопнула в ладоши. Все разговоры смолкли. Все сидящие в зале ученики – большинство сидели поодаль друг от друга, некоторые сбились в тесные группки, куда, похоже, никому постороннему ходу не было, – повернулись к ней с ожидающим видом.

– Добрый вечер всем, – проговорила Элеанор. – Многие из вас наверняка уже слышали, что у нас новая ученица. Это Нэнси. Она будет жить в комнате с Суми, пока одна из них не попытается убить другую. Если хотите сделать ставки на то, кто кого убьет, обращайтесь, пожалуйста, к Кейду.

Девичий смех. Да, тут были, как заметила теперь Нэнси, почти сплошь девочки. Помимо Кейда, который сидел один, уткнувшись носом в книгу, в зале было всего три мальчика. Странно – школа совместная, а такой перекося. Нэнси ничего не сказала. Элеанор обещала ей какое-то ориентирование – может быть, там ей все и объяснят, и никакие расспросы не понадобятся.

– Нэнси еще только привыкает заново к этому миру после своего путешествия, так что будьте, пожалуйста, помягче с ней в первые дни. Вы когда-то были такими же. – В голосе Элеанор едва уловимо прозвучала стальная нотка. – Когда она будет готова присоединиться к вашим буйным игрищам и людоедским забавам, она вам скажет. А теперь ешьте все, даже если не хотите. Мы с вами в материальном мире. В наших жилах течет кровь. Вот и постарайтесь, чтобы и дальше текла. – Она отошла, и Нэнси осталась без якоря.

Буфетная стойка с едой тянулась вдоль стены. Нэнси направилась к ней, морщась при виде мясных блюд и запеченных овощей. Это все равно что камни в животе таскать – такая нестерпимая, немилосердная тяжесть. Наконец она положила на тарелку виноград, ломтики дыни и немножко творога. Взяла еще стакан клюквенного сока и повернулась, ища глазами свободное место за столиками.

Когда-то она отлично с этим справлялась. Она никогда не была в числе самых популярных девушек в школе, но разбиралась в этой игре недурно, умела в нее играть, и играла хорошо – умела определять температуру в комнате и находить безопасные отмели, где ее не снесет бойким течением хулиганок и приставал, и в то же время нет риска захлебнуться в соленом прибое, где беспомощно бултыхаются изгои и тихони. Она помнила то время, когда это было чрезвычайно

важно. Иногда даже хотелось найти дорогу обратно, к той девушке, которую волновали такие вещи. Но чаще она невыразимо радовалась тому, что это невозможно.

Мальчики, все, кроме Кейда, сидели кучкой, фыркали в молоко, пуская пузыри, и смеялись. Нет, только не к ним. Одна группка сбилась вокруг девушки такой поразительной красоты, что Нэнси не могла толком разглядеть ее лицо: глаза слепило. Другая – вокруг большой чаши для пунша, наполненной какой-то конфетно-розовой жидкостью, из которой они все украдкой потягивали. Тоже не то. Нэнси огляделась еще раз, заметила наконец единственную безопасную гавань и направилась к ней.

Суми сидела напротив двух девушек, совершенно не похожих друг на друга – и одновременно похожих как две капли воды. На тарелке у нее было навалено что попало, без всякого разбора. Кусочки дыни в мясной подливке перемешаны с жареной говядиной, политой вареньем. От этого зрелища у Нэнси даже в животе екнуло, но все-таки она поставила свою тарелку рядом с тарелкой Суми, кашлянула и спросила для порядка:

– Здесь не занято?

– Суми как раз рассказывала, что ты самая скучная картонная кукла, какую только можно встретить в этом мире – или в любом другом, и нам всем остается тебя только пожалеть, – сказала одна из незнакомок, поправляя очки и поворачивая голову к Нэнси. – Похоже, ты как раз в моем вкусе. Садись, пожалуйста, разбавишь скуку за нашим столиком.

– Спасибо, – сказала Нэнси и уселась.

Незнакомки были просто на одно лицо, однако выглядели совершенно по-разному. Даже удивительно: карандаш для век и скромно опущенные глаза, или очки в тонкой оправе и стальной взгляд – и одинаковые черты сразу делаются различными, индивидуальными. Обе были светловолосые, узкоплечие, с веснушками на переносице. Одна – в белой рубашке на пуговицах, джинсах и черном жилете – вид одновременно старомодный и ультрасовременный; волосы у нее были собраны сзади в хвост, просто и по-деловому. Единственным ее украшением был галстук-бабочка с мелким рисунком из значков «биологическая опасность». Другая – в воздушном розовом платье с глубоким вырезом и

невероятным количеством кружев. Волосы у нее были завиты в легкие кудри величиной с консервную банку и перехвачены сзади розовой лентой. Такая же лента была повязана на шее, вроде чокера. Обеим по лицу можно было дать лет по восемнадцать-девятнадцать, а вот по глазам – гораздо больше.

– Я Джек, это сокращенное от Жаклин, – сказала та, что в очках. Показала на ту, что в розовом: – А это Джилл, сокращенное от Джиллиан, потому что наших родителей следовало бы по суду лишить права давать имена своим детям. А ты Нэнси.

– Да, – сказала Нэнси, не зная, какого ответа от нее ждут. – Рада с вами познакомиться.

Джилл, которая не шелохнулась и не произнесла ни звука с того самого момента, как Нэнси подошла к столу, взглянула на ее тарелку и сказала:

– Ты мало ешь. На диете?

– Нет, не совсем. Просто... – Нэнси замялась, потом покачала головой и сказала: – Желудок не работает – дорога, стресс и все такое.

– А я кто – стресс или все такое? – спросила Суми, подцепила вилкой липкий от варенья кусок мяса и бросила в рот. Договорила с набитым ртом: – Должно быть, и то и другое вместе. Я личность гибкая.

– А я на диете, – гордо объявила Джилл. На тарелке у нее не было ничего, кроме тонких ломтиков еле-еле поджаренного мяса, некоторые – совсем красные и сочащиеся кровью, практически сырые. – Я ем мясо через день, а в остальные дни – шпинат. У меня в крови столько железа, что любой компас среагирует.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Прерафаэлиты (Братство прерафаэлитов) – направление в английской живописи и поэзии, возникшее в 1850-е годы XIX века. Источником вдохновения для членов Братства служило искусство раннего Возрождения (период до Рафаэля Санти), которое они противопоставляли академичности и холодности викторианства. Яркий представитель – Данте Габриэль Росетти (1828–1882). – (Здесь и далее – прим. ред. – если не указано иное.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/makgvayr_shennon/v-kazhdom-serdce-dver

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)